

Конфуций

Шицзин

Книга песен и гимнов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
К65

Конфуций
К65 Шицзин: Книга песен и гимнов / Конфуций – М.: Книга по Требованию, 2015. – 352 с.

ISBN 978-5-458-42868-2

«Шицзин» — «Книга песен и гимнов» — древнейший китайский литературный памятник. Входящие в него народные песни, оды и культовые гимны создавались в XII—V веках до н. э. Собранные Конфуцием в одну книгу «для торжества идеального порядка вещей, правления, обрядов и долга», как говорил в I веке до н. э. древний китайский историк Сыма Цянь, они составили поэтическую летопись, отразившую жизнь, духовные интересы и древнюю культуру китайского народа.

ISBN 978-5-458-42868-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стихотворение, как правило, предназначенное для пения. «Ши» состоит обычно из нескольких строф или куплетов, нередко с рефреном. Песни «ши», судя по «Шицзину», складывались в народе одновременно с их музыкальной мелодией и, в сущности, были органически связаны с музыкой, движениями и жестами, которые часто сопровождали их исполнение в процессе полевых работ, во время религиозных и бытовых обрядов, народных празднеств, гуляний, игр.

Каждый из разделов «Шицзина», в сущности, представляет собой самостоятельную книгу со своими темами, особой эмоциональной атмосферой и средствами художественного изображения. Все вместе поэтические произведения «Книги песен и гимнов» охватывают весьма значительный период развития китайского народа, приблизительно с раннего этапа Западного Чжоу (XII—X вв. до н. э.) и до конца эпохи «Чуныцю» («Весны и осени», VIII—V вв. до н. э.). В этом смысле «Шицзин» представляет собой своеобразную энциклопедию китайской древности, которая словно впитала в себя все поэтические краски этого мира.

Первая часть «Шицзина» — «Гофын» («Нравы царств») ¹ содержит сто шестьдесят произведений пятнадцати различных царств Китая того времени, — это свод древнейшей китайской лирики периода Чжоу. «Гофын», с нашей точки зрения, имеет наибольшую литературную ценность, ибо здесь собраны главным образом народные песни и припевки, сохраняющие как по содержанию, так и по форме целомудренную простоту народного вкуса. Творцы песен «Шицзина» скромно жили в гуще человеческих общин, неизвестные, неразличимые. Их песни звучали в народе, они разливались всюду, доходили и до пастуха и до правителей, которые стремились в фольклорном этом искусстве углыдеть умонастроения простого народа.

В эту часть памятника вошли лирические, любовные песни, с их обаянием и радостными чувствами молодости, с их задушевностью; трудовые песни, глубоко уходящие своими корнями в щедрую почву народного творчества. «Гофын» воссоздает яркую и колоритную картину общественной жизни и быта китайского народа в эпоху его раннего развития. С них, с этих правдивых песен, глубоко связанных с жизнью, некоторые исследователи на-

---

¹ «Гофын» в дословном переводе означает «местные мелодии», то есть мелодии песен различных земель, появившиеся в районе, расположенном на территории современных провинций Шаньси, Шаньси, Хэбэй, Шаньдун и северной части провинции Хубэй.

чипают порой историю реалистических традиций китайской литературы.

Каждая песня целенаправленна, имеет законченный сюжет. Каждая песня отличается цельностью, единой внутренней темой — человек и его отношение к явлениям природы, окружающему миру, людям. И в русле этой темы ощущение связи таких понятий, как красота, добро, правда, искренность и человечность. Касаясь различных сторон реальной жизни, песни являют собой как бы слепки с мира чувств и явлений, роившихся в умах земледельцев, скотоводов, охотников. Читатель нередко ощущает себя живущим в мире, где и травы, и птицы, и звери только что получили свои названия. В этом великое искусство песенного слова «Шицзина», передающее ощущение человека, только что явившегося в мир и впервые называющего предметы и явления.

Глубокого социального звучания исполнена песня «Удары звучат далеки, далеки...» (I, IX, 6), в которой обличаются угнетатели, прадняя их жизнь за счет простых тружеников:

Удары звучат далеки, далеки...
То рубит сандал дровосек у реки,
И там, где река оmyвает пески,
Он сложит стволы и сучки...
Вы ж, сударь, в посев не трудили руки
И в жатву не знали труда —
Откуда ж верно с трехсот полей
В амбарах ваших тогда?
С облавою вы не смыкались в круг —
Стрела не летела из ваших рук —
Откуда ж висит не один барсук
На вашем дворе тогда?
Мы вас благородным могли б считать,
Но долго ли будете вы поедать
Хлеб, собранный без труда?

Здесь выражаются мысли, представляющие различные стороны жизненного и художественного опыта, непосредственного и зоркого видения окружающей авторов этой песни реальности. И похоже, что у создателей ее уже было ощущение того, что поэтическое слово едва ли не наиболее могущественное из искусств: оно обладает неизмеримой емкостью, не ограничено масштабом, не стеснено рамками пространства, времени, иными обстоятельствами.

Обращает на себя внимание песня «Большая мышь» (I, IX, 7), в которой, вероятно, впервые в китайском поэтическом творчестве применяется иносказание. Ненавистные народу силы, его жестокие поработители аллегорически изображаются в виде большой мыши, жадно пожирающей все плоды труда землепашцев. Лейт-мотивом песни, проникнутой оптимистической верой в торжество

народной справедливости, является мечта тружеников о «счастливой земле», в которой не будет «жадных мышей».

Некоторым песням этой части памятника свойственна определенная сатирическая направленность. Их мысли столь же остры, как и смелы. Песни эти приобретают особую действенность благодаря своей предельно краткой форме, выразительности и неподдельной искренности. У творцов этой песенной поэзии нет выспренных слов. Подобно многим другим песням «Шицзина», они прославляют труд простых людей и осуждают знать, выражают недовольство судьбой бесправных и зависимых.

Интересна в этом отношении песня «Вышел я из северных ворот...» (I, III, 15):

Службой царскою гнетут меня,
Многие дела томят меня,
А приду к себе домой — опять
Все наперебой корят меня.
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой —
Что скажу, коль это жребий мой?

А вот песня безысходной тоски землепашца, угнанного на войну. Народные творцы песенно-поэтических произведений умели придать простейшим жизненным фактам большую значимость и глубокий смысл, сочетать мудрость с наивной непосредственностью, лирику чувств с суровой правдой жизни:

Жизнь или смерть нам разлука песет,
Слово мы дали, собираясь в поход.
Думал, что, руку сжимая твою,
Встречу с тобою я старость мою.

Горько мне, горько в разлуке с тобой.
Знаю: назад не вернусь я живой,
Горько, что клятву свою берегу,
Только исполнить ее не могу (I, III, 6).

Значительное место в разделе «Гофын» принадлежит песням труда, посвященным теме сельскохозяйственных работ — главному занятию древних китайцев. Таковы «Песня о седьмой луне» (I, XV, 1), «Подорожник» (I, I, 8).

«Ветер с дождем...» (I, VII, 16). Чтобы убедительнее показать радость супружеской любви, полноту чувства, в песне изображается картина ненастья:

Ветер с дождем холодны, словно лед..
Где-то петух непрерывно поет.
Только, я вижу, супруг мой со мной —
Разве тревога в душе не замрет?

О «Шицзине» в целом можно сказать, что это антология боли и невзгод. Но творцам песен (в разделе «Гофын») не чужд был и вкус счастья. Преобладают произведения лирического звучания. Они уводят нас в поле, к зарослям, к берегам реки; они будят мысли, волнуют чувства, рождают образы... В них близко знакомимся мы с тружениками полей, поселенцами древних побережий, от которых веет ароматом разнотравья, луговых цветов, зноем страдного солнца... Да, древние творцы этих песен умели поселить в своих стихах и гнев, и любовь, и презрение, и уважение к добру. Их песни рождались в реальных жизненных конфликтах, в которых они участвовали, в диалектике чувств, в борьбе со злом и своекорыстием окружающих и стоящих над ними людей.

Песни на любовную и свадебную тему представлены в «Нравах царств» широко и щедро. Лиризма и торжественности исполнена песня о девушке, ставшей невестой и совершающей свадебный обряд. Характерны предельно скупые изобразительные средства, лаконизм, фразеологические повторы, рефрены («Высзд невесты». I, II, 1).

Трогательно звучит тема любви в песне «Чжуня просила я слово мне дать...» (I, VII, 2). Неодолимым препятствием встали на пути юных сердец традиции семейного уклада. Девушка боится нарушить волю родителей, боится, что ее осудят братья, страпится «недоброй в народе молвы». Движимая чувством тревоги и страха, она вынуждена склониться перед неумолимостью домо- строя. В строках, исполненных чувства безысходности, обличает- ся бессердечность патриархальных семейных канон.

Песням раздела «Гофын» присущи лаконизм, богатство экспрессии, стилистическое совершенство. Они исполнены аллегорий, символики и олицетворений, которые вообще характерны для античной песни. Язык песен с веками обрел афористичность. Как искры, сверкают в них афоризмы, рожденные то вековой мудростью народа, то горьким опытом и закрепленные, увековеченные народными певцами «Шицзина».

Вторая часть «Шицзина» — «Малые оды» («Сяо я») ¹ — включает в себя главным образом произведения придворных стихотворцев. «Сяо я» — форма лирической поэзии для выражения

---

¹ Перевод слова «я» (пзящное, уточненное, возвышенное), как «ода» условен. В древности греческое слово «ода» не определяло какого-либо поэтического жанра, оно обозначало вообще песню, стихотворение. Античные филологи прилагали его к различного рода лирическим стихотворениям и подразделяли оды на хвалебные, плясовые, плачи и проч.

восторженного чувства по поводу какого-либо торжественного случая, для восхваления заслуг и достоинств, воспевания добродетелей и подвигов древних правителей, полководцев, героев. Поэзию раздела «Малые оды» (в настоящем издании приводятся семьдесят четыре отдельных текста) трудно подчас отличить от песенно-поэтического фольклора из раздела «Нравы царств». Часть ее имеет полуфольклорный, полулитературный характер. Вероятно, сперва она возникла в устной форме, а затем была закреплена иероглификой. Темы «Малых од», высота их пафоса, как правило, не столь значительны, как темы и пафос «Великих од».

Среди произведений придворной поэзии значительное место занимают оды на тему о преданной службе царю, о верноподданнических чувствах приближенных царя, славословия верховному правителю («Славословие царю». II, I, 6); песни о ратных подвигах в походах против гуннов; о царской охоте, на которой господствовали чопорная обрядность, иерархический церемониал:

По четверке коней в колесницы князей впряжены,
И одна за другою четверки приходят на стан.
Наколенники алые, в золоте туфель сафьян,
Собираются гости, блюда и порядок и сан.

(«Царская охота». II, III, 5)

Есть оды радушному хозяину, не поспеившему на щедрое угощение (II, II, 3); длительному пиршеству в царских покоях (II, II, 10); славословия «достойным гостям», которым хозяин желает жизни «на века и века» (II, II, 7).

Символом веселья, торжественной трапезы, славного пиршества стала известная ода «Встреча гостей» (II, I, 1).

Отдельные произведения отразили высокомерное отношение к женщине (прежде всего в аристократической среде). Вот как это выражено в придворной оде «Новый дворец» (II, IV, 5):

Коль сыновья народятся, то спать
Пусть их с почетом кладут на кровать,
Каждого в пышный оденут наряд,
Яшмовый жезл как игрушку дарят...

Если ж тебе народят дочерей,
Спать на земле уложи их скорей,
Пусть их в пеленки закутает мать,
В руки им даст черепицу играть!
Зла и добра им вершить не дано,
Пищу варить им да квасить вино,
Мать и отца не заставить страдать.

Критика господствующего режима, открытое недовольство недеянием, пассивностью правителя, переставшего править страной, гневом встречающего правдивое слово, звучит в «Оде благородного Цзя Фу, обличающей царя и царского советника Иня» (II, IV, 7). Похожие мысли выражены в «Оде ушедшим от смуты в иные земли» (II, IV, 10). Этим произведением близка по содержанию прославленная «Ода о клеветниках» (II, V, 6), гневно обличающая «лживые слова» льстецов и «мастеров клеветы»:

Причудливо вьется прекрасный узор —
Ракушками тканная выйдет парча.
Смотрю я на вас, мастера клеветы!
Давно превзошли вы искусство ткача...
Клеветущих, лгущих хватал бы я сам
И лютым бы тиграм бросал и волкам...

Следует, однако, иметь в виду, что господствующие классы, зная, а также их идеологи, — в частности, представители конфуцианства, — нередко стремились использовать в своих корыстных интересах как памятники фольклорного поэтического творчества, так и деятельность художников слова, живших в различные исторические периоды. Недовольство и критика исходили нередко от тех представителей аристократии, которые стремились к захвату государственной власти. Именно в этой связи и должна рассматриваться критика правящих кругов, содержащаяся в разделе придворной поэзии «Шицзиня», в отличие от критики и жалоб, звучащих в произведениях чисто народных.

Прекрасный образец поэтического искусства — «Ода о дружбе» (II, I, 5). Построенная в значительной степени в соответствии с принципами народного песенно-поэтического творчества, она не может быть в полной мере отнесена к литературной или фольклорной поэзии. Ода «Большое поле» (II, VI, 8), в которой славится земледельческий труд, ставятся вопросы общественных отношений, — явно фольклорного происхождения. И характер ее и тематика близки песням из книги «Нравы царств». В том же ключе написаны печальные строфы о походе людей через пустыню — «То гуси летят» (II, III, 7):

То гуси летят, то летят журавли
И свищут, и свищут крылами вдали...
То люди далеким походом идут,
И тяжек, и труден в пустыне поход.
Достойные жалости люди идут,
О горе вам, сирый и вдовый народ!

Скорбью пронизана поэма о войне, в ожидании которого «тоскою поражено сердце жены». Грустные чувства навеивает ода

«В ожидании мужа, ушедшего в поход» (II, I, 9). Социальный протест, протест против бездельников, жадно толпящихся у царского трона, слышится в «Жалобах воинов, слишком долго задержанных на службе царю» (II, IV, 1), в «Оде о несправедливости» (II, VI, 1).

Третья часть «Книги песен» — «Великие оды» («Да я»), которых насчитывается в «Шицзине» тридцать одна, — представляет собой, в сущности, книгу поэтических произведений племени чжоу. Китайская литературная традиция считает их высокими образцами придворного поэтического творчества. Эти произведения исполнялись в сопровождении соответствующей музыки. Их отличает довольно богатая словесная орнаментация, которая усугубляет впечатление торжественности, подчеркнутой высокопарности, восторженности.

«Великие оды» проливают свет на известные исторические события, важные факты. Так, кровопролитная битва чжоусцев с шан-иньцами, сопровождавшаяся рукопашными схватками, ожесточенными столкновениями, стала неиссякаемым родником героических сказаний, трагических легенд, вдохновенных преданий. О далеких этих событиях повествует «Ода о царях Вэнь-ване и У-ване и о покорении царства Инь-Шан» (III, I, 2). Следующая за ней «Ода о переселении племени чжоу» (III, I, 3) рассказывает об истории племени чжоу, переселившегося с запада в район бассейна реки Хуанхэ.

Вошедшие в этот раздел произведения исторического плана можно, на наш взгляд, рассматривать как образцы древней китайской эпической поэзии.

Многие из «Великих од» прославляют древних государей — У-вана (царя Воинственного), его отца Вэнь-вана (царя Просвещенного), Хоу-цзи (государя Зерно); осуждают бездарных правителей и их приближенных. Таковы «Ода в поучение беспечному царедворцу» (III, II, 10), ода «Народ страдает» (III, II, 9):

Народ наш страдает ныне от трудов —
Удел его пусть будет облегчен.
Поддай же милость сердцу всей страны,
Чтоб мир снискать для четырех сторон.
Льстецам бесчестным воли не давай,
Чтоб всяк недобрый был предупрежден.
Закрой пути злодеям и ворам —
Небесный ведь не страшен им закон.
Дай мир далеким, к близким добрым будь,
Да укрепится этим царский трон!

Грозное предупреждение о том, что в стране «мира не стало и смута родится», что «всюду лишь горе и пепел заметишь!», звучит в «Оде бесчестным правителям» (III, III, 3).

В «Оде о засухе» (III, III, 4) повествование ведется от имени самого царя. В духе конфуцианского учения он принимает на себя ответственность за страшные несчастья, обрушившиеся на страну и народ. Он считает, что причина всех бед в нем самом, в его неумении править. Впрочем, признание вины имеет скорее условный, оправдательный характер: «Все м духам я моления возпросил, жертв не жалея»; «Я жертвы непрестанно возношу, переходя с мольбой из храма в храм»; «У стран земли моля обильный год, я жертвы в срок вознес на алтарях».

Самый суровый приговор выносится преступным савовникам, разорителям народа, в «Оде бесчестным советникам царя» (III, III, 11), завершающей книгу «Великих од».

В «Шицзи» («Исторических записках») Сыма Цяня читаем следующие строки об одах «Шицзина»: «В «Да я» говорится о том, каким образом добродетели великих людей во времена Вэнь-вана и Гун Лю доходили до простого народа; а из «Сяо я» можно узнать, как простые люди через неудачи и успехи достигали вершин. Поэтому хотя слова в этих книгах различны, но в них равно звучит добродетель»¹.

Четвертую часть «Шицзина» составляют «Гимны» («Сун») — сорок древних торжественных и хвалебных храмовых песнопений и культовых гимнов в честь духов, предков и мудрых царей китайской древности. В них содержится перечисление чудесных подвигов и добродетельных поступков древних правителей, царствовавших ванах, особенно основателя Чжоуской династии Вэнь-вана. Тексты насыщены хвалебными эпитетами, сравнениями и олицетворениями, в строки вплетаются торжественные восклицания и молитвенные заклинания.

Произведения этой заключительной части памятника в большинстве своем были сложены придворными стихотворцами в честь «доблести царя Просвещенного» (Вэнь-вана), которому «будем из всех наших сил подражать», в честь его мудрого правления: «Ясны законы царя Просвещенного, вечно да будет блистать!» Гимны воспевали также заслуги его сына, царя Воинственного — У-вана: «Силой и мощью владеет наш предок У-ван; в славе заслуг с ним поспорить никто бы не мог». Среди гимнов и песнопений на другие темы — «Повеление царя надсмотрщикам за полевыми работами» (IV, I, 2), «Приветствие гостям» (IV, II, 3), «Приготовления к жертвоприношению» (IV, III, 7). Выделяются яркие, видимо фольклорного происхождения с позднейшей лите-

---

¹ Сыма Цянь. Избранное. М., ГИХЛ, 1956, с. 325.

ратурной обработкой, гимны «Урожай» (IV, III, 5) и «Благодарение за урожай» (IV, III, 6). Художественные образы этих двух произведений свидетельствуют о знании конкретных особенностей полевых работ и характерных примет времени разных трудовых процессов, живо, реалистически отображенных здесь поэтическими средствами. Приведем для полноты картины все восемь быстро сменяющихся строф-фрагментов последнего из указанных гимнов.

I

Соху наточим — она и добра и остра:
Ныне на южные пашни собирать пора.

II

Всякого злака посеется ныне зерно,
Жизни зародыш в себе заключает оно.

III

Вас повидать мы на южные пашни придем,
Круглых коряи и прямых мы с собой принесем,
Мы вас накормим сегодня отборным пшеном.

IV

Шапки бамбуковые вдруг в движенье пришли,
Врезались в землю мотыги, мелькают в пыли,—
Горькие травы повывернут все из земли.

V

Горькие травы повяли на месте — и вот
Просо метелками пышно и буйно растет.

VI

Режем серпами колосья, пока не темно,
В плотные, плотные груды ссыпая зерно,
В груды высокие, как крепостная стена,
Гребню густому как будто подобна она,
Двери раскрыты у сотен домов для зерна.

VII

Полными хлеба стали в селенье дома:
Дети ликуют, ликует хозяйка сама!

VIII

Ныне зарежем мы с черною мордой быка,
Кривы рога его будут и рыжи бока;
В жертву, как прежде бывало, его принесем,
Нашим отцам подражая всегда и во всем.

Заслуживают внимания высказывания ряда филологов и искусствоведов о том, что некоторые гимны «Шицзина» связаны с ритуальными плясками, исполнявшимися во время храмовых обрядов. Обрядовые танцы, как известно, означали, по сути дела, не что иное, как всякого рода заклинания, смысл которых состоял в том, чтобы ублаготворить духов и богов и тем самым добиться хорошего урожая, удачной охоты, отворотить засуху или наводнение.

Таким образом, подобные храмовые танцы тесно были связаны с жизнью и трудовыми процессами древних и часто носили религиозный, мистический характер. Божественные силы и духи, которым поклонялись древние китайцы, в действительности олицетворяли собой силы природы с ее загадочными явлениями, непостижимыми тайнами — ветром, дождем, водой, огнем. Люди стали обожествлять эти силы в борьбе со стихиями природы, в стремлении покорить ее могущество, обратиться на службу человеку. Интересно отметить, что свидетельством взаимной связи танца и труда в древнем обществе Китая служит старинное начертание иероглифического знака «у» — «танец», «танцевать» в виде фигуры человека, пляшущего с бычьими хвостами в руках. Судя по расшифрованным надписям на предметах старины, в далеком прошлом китайцы исполняли танцы, держа в руках хвост быка или перья птицы, что символизировало успешную добычу и охоту («Песня танцора». I, III, 13).

С народными песнями и плясками связано в своих истоках и театральное искусство Китая. Именно в «Шицзине» содержатся свидетельства существования в Китае в начале II тысячелетия до новой эры обрядовых песенно-плясовых представлений, совершавшихся при исполнении храмовых ритуалов и при жертвоприношениях.

Огромный поэтический опыт, обобщенный в «Шицзине», совершенство художественной формы, подчиненной решению идейных задач, богатство художественно-изобразительных средств сделали этот памятник подлинной академией поэтического мастерства, через которую прошли многочисленные поколения китайских поэтов.

Природа «Шицзина» не только определяет его историко-лите-